

Б.Т. Тулеуова, В.В. Горовой, К.Т. Тулеуова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: b_t_tuleuova@mail.ru)*

Роль мировой историографии в модернизации образовательного значения исторического знания

Важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый культурный поворот, характеризующий переход от множества личностей к человеческому потенциалу, а в перспективном плане — к человеческому капиталу в масштабе региональной истории. В статье приведен анализ роли мировой историографии в модернизации образовательного потенциала исторического знания, в том числе применительно к опыту Республики Казахстан. На основе комплексного обзора существующих точек зрения зарубежных историков выделена роль исторического знания в формировании национального сознания молодого поколения в условиях духовной модернизации как одного из участников процессов преобразования общества. Проведенный анализ опыта передовых зарубежных стран по формированию общественного сознания в рамках модернизационных процессов позволил выявить особый интерес исследователей к определению цивилизационных основ процессов модернизации в разных странах в различные исторические периоды, сформировавших и продолжающих формировать уникальный модернизационный профиль своей страны. Это позволяет обнаружить эффективные способы, социальные историко-культурологические переменные, глубинные причины и механизмы, рецепты и секреты «прогрессивного» и «ускоренного» модернизационного развития зарубежных стран. Выделены две характерные тенденции развития исторического знания в условиях компетентностной модели образования: одна направлена на то, чтобы теснее связать обучение истории с развитием личности и навыков самостоятельного творческого критического мышления, с формированием качеств, позволяющих любому гражданину делать выбор в демократическом обществе; другая — при которой на первый план выдвигаются патриотические и духовные ценности общества. Это позволило авторам статьи утверждать, что историческое образование, патриотическое и поликультурное воспитание могут противостоять духовному кризису, помочь в формировании обновленного национального сознания.

Ключевые слова: модернизация, историческое знание, историческое образование, человеческий капитал, молодое поколение.

Важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый культурный поворот, характеризующий переход от множества личностей к человеческому потенциалу, а в перспективном плане — к человеческому капиталу в масштабе региональной истории. В нем на основе нового гуманитарного знания нашли отражение возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в истории и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе, соответствующей глобальному характеру современной цивилизации, целям развития межкультурного диалога и принципу единства в многообразии. Сопоставление ключевых аспектов картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций, составляющих суть современных модернизационных процессов, поиск собственного пути инновационного развития в общем русле мировой истории — одна из центральных проблем исторической науки в XXI в.

В классическом варианте XX в. теория модернизации представляла собой попытку обобщения с либерально-реформистских позиций опыта Запада и имела целью разработку программы ускоренного перехода освободившихся от колониализма стран третьего мира от традиционного общества к современному. Поэтому большинство существующих определений понятия «модернизация» как особой формы развития, суть которой — переход от традиционного общества к современному, замыкается в противопоставлении ключевых понятий «Запад» и «не-Запад», «современное» и «традиционное», «индустриальное» и «аграрное» [1].

В современной версии модернизации можно отметить следующие составляющие: отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; большее, чем прежде, внимание к внешним, международным факторам, глобальному контексту; отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса [2; 224].

Обобщение современных исследований по проблемам модернизации позволяет выделить пространственно ориентированную модель модернизационного анализа. Её сутью является признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации; распространение инноваций в качестве значимого фактора модернизации; акцентирование внимания на роли социальных акторов, как индивидуальных, так и коллективных; ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание значимости природно-географических условий; признание возможности вариативного поведения отдельных регионов в процессе модернизации в форме особенностей существования и различия их характеристик в пространстве (конвергенция и дивергенция); признание пространственной специализации региона на определённых видах социальной деятельности в качестве существенного аспекта модернизации [2; 224, 225].

Если первые варианты теорий модернизации были отмечены выраженным западноризмом, а сам процесс понимался фактически как вестернизация, то сегодня модернизационная парадигма выглядит более адаптированной к реалиям современного мира, а её сторонники признают многообразие путей движения в современность. Мировой опыт модернизации свидетельствует, что при выборе модернизационной модели важно учитывать специфику своей страны и не стремиться, например, перестать быть казахами и стать американцами [3; 256].

Среди работ зарубежных авторов можно выделить труды французского ученого, философа, историка П. Рикера, в частности знаменитый труд «История и истина», куда вошли статьи 50-60-х годов XX в. [4; 13]. Данный сборник статей представляет собой цикл размышлений по проблемам исторического знания, истины в историческом познании, вовлеченности в историю и ее взаимосвязи с гражданской вовлеченностью. Не являясь сторонником понятий «модернизм», «модернизация», «новейшая эпоха», он, на примере рассмотрения и анализа разных типов прошлого, представленных греческой и римской цивилизациями, иудейской и христианской традициями, в результате синтеза которых наступила эпоха средневековья, доказывает, что значительная часть западных конфликтов заключается в искаженной концентрации на собственном прошлом. По мнению Рикера, дух новизны, который выделяется в качестве ключевого понятия в процессах модернизации, — «это усилие по преодолению новизны настоящего и устремленность в будущее, исходя из наследия прошлого. И, следовательно, настоящее, прошлое и будущее диалектически взаимосвязаны» [4; 13]. Здесь он отдает дань уважения знаменитому историку философии Кеселеку, который показал в своем труде «Будущее прошлое», что прошлое имеет будущее. Более того, Рикер современную эпоху, т.е. вторую половину XX в., характеризует как «напряженное соотношение между упованиями на будущее, возможно, утопическое, и опорой на прошлое, отягощенное консерватизмом». Соответственно, дух новизны, по мнению французского ученого, заключается в переоценке (т.е. в обновлении) грядущего будущего с позиций достижений прошлого [4; 14].

Диалектическую взаимосвязь прошлого и будущего отмечает и немецкий историк О.Г.Эксле, один из ярких представителей современного гуманитарного знания, который рассматривает историю как «историю проблем», а не «фактов» из независимо от нас существующего прошлого. Эти проблемы диктуют историку его время, глубинные запросы общества: «Современность (Modern) создает прошлое, образы прошлого. Поэтому наряду с собственно предметом исторического исследования анализу подвергаются и актуальные общественные процессы, и ментальный климат научного сообщества, творящего предмет научного исследования, и история изменений этого предмета — «образа прошлого» — во времени» [5; 5].

О.Г. Эксле является автором широкого круга статей о средневековой культуре, одним из наиболее авторитетных специалистов в области истории и теории культурной памяти, в последние десятилетия превратившейся в мировой бренд современной исторической науки. В 50-е годы XX в. основы понятия «*memoria*» («память») лежали в сфере религиозного мышления и литургической практики как поминовения умерших. Однако уже в конце 60-х годов XX в. немецкие историки во главе с О.Г. Эксле, работая с архивными материалами, содержащими списки для поминовения, для изучения истории знатных родов и особых персон, обнаружили, что решающим фактором при выборе рода являются не реальные генеалогические связи, а сознание человека, с кем он себя ощущает в родстве, т.е. как он себя самоидентифицирует. Так, изучение религиозных групп и кровного родства привело к новой постановке проблемы: об отношении индивида и группы в средние века, о факторах, обуславливающих возникновение группы и идентичности ее членов [5; 19].

На вопрос о соотношении понятий «история» и «воспоминание», «наука» и «память» О.Г. Эксле отвечает: «Итак, современные исторические науки не могут больше сами давать инструкции, не могут — как «наука» — предписывать «жизни», как та должна быть устроена. В силу своих возможностей «история» не может заменить «память». Однако, предохраняя от забвения, она стоит на страже против всех тех, кто «уничтожает память, подделывает энциклопедии, стряпает историю и сочиняет мифы о прошлом. На исторические науки, следовательно, должна быть возложена забота о том, как можно более избежать забвения» [6; 101]. Данный ответ возлагает высокую степень социальной ответственности на историка как собирателя, хранителя и интерпретатора фактов и событий.

Как известно, основу любой цивилизации составляют «системы символов, ценностей и верований, которые правят обществом... В различные эпохи, в различных исторических условиях формы поведения могут изменяться, но в любом случае они являются выражением единого общего содержания» [7; 162].

Это доказывает опыт целых ряда стран Востока, прошедших путь догоняющего развития и достигших своих целей, при этом не утратив национальных особенностей. В качестве примера можно привести опыт Японии по послевоенному восстановлению, которая, несмотря на сильное влияние США, сумела утвердить свой экономический путь развития, отличающийся от американского образца. Успех модернизации этой страны заключался в наличии мощного внутреннего нравственного потенциала японского общества, корни которого восходят к далекой древности, к религиозным традициям синто и конфуцианства. История показывает, что японцы строят свои принципы на основе уважения, чести, спокойного позитивного отношения ко всему сущему, прагматизма и полной ответственности. Именно они легли в основу быстрого роста Японии, сумевшей соединить свои национальные ценности с западным прогрессом.

В конце XX в. истинность данных положений сумели доказать страны Юго-Восточной Азии, которые выбрали свою модель модернизации. Они смогли достичь органичного сочетания рыночной экономики с так называемой «азиатской системой ценностей». Успешная практика модернизации с опорой на реинтерпретацию национальных традиций в странах Азиатско-Тихоокеаного региона привела к радикальному пересмотру основ самой модернизационной теории.

Применительно к опыту модернизации Китая возможности исторического знания впервые были отмечены известным китайским философом, историком, государственным деятелем конца XIX — начала XX в. Лян Цичао, который в своих трудах обосновывал необходимость исторических перемен в терминологии «эволюции Китая от империи к нации» и «изменения установлений», т.е. проведение реформ. Понятие реформы в его понимании обозначало комплексную модернизацию страны, создание всеобъемлющей сети коммуникаций, современной прессы, системы образования, в том числе женского, парламентской системы и законодательства. Важно то, что для Лян Цичао необходимость исторического знания и конструирование новой китайской исторической науки были неоспоримы. История была для него единственной наукой, которая способна объяснить развитие цивилизации и всех её составляющих [8; 101, 102].

Также важно выделить трактат Лян Цичао «Об обновлении народа» (1902 г.), в котором идея обновления тесно связана с концепцией переходного периода. По мнению ученого, китайцам следовало познакомиться с западными жизненными ценностями, а самое главное — приобрести новую социальную этику общего блага (гун дэ). Традиционные конфуцианские ценности должны быть обновлены на основе западных ценностей, изменив отношение китайцев к обществу и государству. Однако через год Лян Цичао впервые осознает разницу менталитетов и возможности рисков психологического характера для развития нации. Происходящий на его глазах интенсивный контакт Китая с Западом привёл лишь к деформации национальных ценностей. Поэтому позже в трудах Лян Цичао главным моментом стал его возврат к наследию предков, когда он признает, что каждое общество «вскармливает» своих людей, исходя из традиционных ценностей. У китайцев это находит отражение в четырех конфуцианских базовых ценностях — жэнь (гуманность), и (долг-справедливость), ли (ритуал) и чжи (разумность). Возврат к этим четырём дэ — это единственное средство спасения Китая от гибели [8; 102].

Современные китайские историки высоко оценивают вклад Лян Цичао в развитие «новой историографии» Китая в совершенно новую эпоху модернизации, основная цель которой состояла в том, чтобы использовать историю национального развития и эволюции в воспитании людей, помогая им стать национально сознательными «гражданами» [9]. Несмотря на существующие противоречия в научном наследии Лян Цичао, для казахстанской исторической науки важен вывод китайского учено-

го о том, что формирование исторического мышления как национальной задачи является единственным методом спасения нации: «История — это то, посредством чего фиксируются формы непрерывной деятельности человеческого общества, оценка его достижений, поиск причинных связей, и служащее беспристрастным зеркалом для широкой публики в своей современности. Это то, что рассказывает о деяниях древних китайцев, чтобы послужить нынешней китайской нации, и только это беспристрастное зеркало зовётся китайской историей» [10].

Аналогичная точка зрения встречается и в работах индийских исследователей, которые отмечают наличие дилеммы, когда перед неизбежностью модернизации страны, представленные традиционными обществами, сталкиваются с проблемой сохранения своей культурной идентичности и самобытности. Важен вывод индийского ученого Romesh Thapar о том, что главная цель модернизационного преобразования этих обществ — создать такой современный способ жизни, при котором каждый взаимодействует с другими, при этом уважительно воспринимает их различия и уверенно поддерживает свою исключительность [11].

Важно отметить модернизационный опыт современного развития Ирана, который позволяет говорить о возможности взаимодействия универсальных норм и практики модернизации и конкретных культурных традиций данной страны. В статье специалиста Центра иранских исследований Лондонского университета SOAS Ghoncheh Tazmini отмечается, что исторический опыт Ирана свидетельствует о необходимости более широкого взгляда на модернизацию путем размещения его в контексте культурной адаптации цивилизационных особенностей к вызовам современности [12].

В работах европейских исследователей проблематика проекта представлена работами о духовности в современном понимании. Духовность как основа общественного сознания тесно увязывается с религиозной практикой, при этом исследователи отмечают универсальный характер духовного знания. Соответственно, обращаясь к практике общеобразовательных школ, они призывают к педагогике, способной решать как универсальность духовных устремлений всего человечества, так и реальность различных духовных традиций, присущих определенному народу. «История моей жизни всегда вписана в историю моего сообщества, где формируется моя личность. Я рожден с прошлым, поэтому попытка отрезать меня от этого прошлого, значит, деформировать мои нынешние отношения. Обладание исторической идентичностью и обладание социальной идентичностью совпадают» [13]. Высказывание А. Масинтыре еще раз демонстрирует актуальную для Казахстана роль исторического сознания, основанного на знании своих корней, своей истории, культуры и традиций, в формировании социальной и гражданской идентичности.

Вместе с тем изучение религиозных убеждений, обычаев и традиций, разнообразных семейных отношений и даже исчезнувших социальных структур через историческое познание позволяет понять, как разные человеческие общества пытались справиться с окружающим миром. Как отмечает Уильям Х. Макнейл, расширение нашей гуманности и наших чувств, признавая одинаковость и разницу во всем записанном прошлом, является важной причиной для изучения истории, и особенно истории народов в древности. Только мы сами через историческое знание можем узнать, как похожи и как мы отличаемся от других. Знакомство с человеческим прошлым — единственный путь к такому самопознанию [14].

Данные примеры и современные сравнительные исследования в сфере модернизации зарубежных стран свидетельствуют о том, что любой инновационный прорыв должен быть санкционирован национальной культурой и подкреплен целой системой инфраструктуры, представленной в конкретном обществе его научным, технологическим потенциалом и, главное, духовными ценностями и традициями, сложившимися в данном социуме. Если возникает диссонанс между инновацией и этой инфраструктурой, то это может вызвать отторжение нового, спровоцировать дисбаланс в обществе. Следовательно, важно найти то, что заставило бы инновацию превратиться в традицию [15; 248].

Задачу поиска решения данной дилеммы поставило перед собой казахстанское общество, которое встало на путь масштабных преобразований в экономике и политике. Одним из важных решений этого вопроса стало обновление духовной составляющей модернизационных процессов.

Процесс модернизации обуславливает изменение парадигмы образования. И.М. Ильинский отмечает в своей книге «Образовательная революция», что именно образование должно носить «упреждающий, опережающий характер, способствовать конструированию и строительству новой реальности»... Это означает и смену приоритетов: «если прежняя парадигма в своей основе и содержании была научно-технократической, то новая по своему содержанию является прежде всего гуманитарной» [16; 240]. Данное мнение согласуется с позицией Президента Республики Казахстан

Н.А. Назарбаева: «если в системе ценностей образованность станет главной ценностью, то нацию ждет успех» [17].

Сегодня информационные и телекоммуникационные технологии являются неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, становятся драйверами четвертой промышленной революции. С одной стороны, как пишет К. Шваб в своем знаменитом труде, «с помощью радикальных технологических изменений мы имеем возможность поразмышлять, кто мы есть на самом деле и как мы воспринимаем мир» [18; 218], а с другой — четвертая промышленная революция «изменяет не только то, что мы делаем, но и то, чем мы являемся». Данное мнение в определенной степени касается и места исторического знания в жизни общества, так как оно способствует росту человеческого сознания, а воссоздание исторического прошлого обогащает личностный опыт индивидумов: «оно упражняет ум, воспитывает сопереживание и позволяет увидеть многие насущные проблемы современности в исторической ретроспективе» [16; 56].

Одним из негативных последствий и возможных рисков четвертой промышленной революции на фоне возросшей мобильности людей и их информационной осведомленности является изменение жизненных устремлений большинства молодого поколения, готовых искать решение своих задач за горизонтом, переопределение личной идентичности, которая становится более многосторонней, чем прежде, пересмотр семейной идентичности, уже не связанной в пространственном отношении, а простирающейся по всему миру [19; 66]. Данную ситуацию усугубляет снижение роли гуманитарного образования в обществе.

Подтверждением этого является существующая ситуация в системе исторического образования в Казахстане, которая демонстрирует ряд недостатков, позволяющих судить о низком уровне исторического знания у молодого поколения. Сегодня молодежь порой не знает простейших исторических фактов всемирной и отечественной истории. Данная тенденция носит глобальный характер. Как отмечается зарубежными исследователями, «сегодня во всех странах мира в начальной и средней школе, колледжах и университетах сокращается объем изучаемых гуманитарных наук... В эпоху, когда сохранение конкурентоспособности на мировом рынке объявляется главным приоритетом, гуманитарные знания теряют свои позиции в учебных программах, а заодно в умах и сердцах детей» [20; 18].

Однако в условиях глобализации мирового пространства на фоне ускоряющихся темпов экономической, технологической, информационной интеграции мирового сообщества важнейшим мировоззренческим запросом новых поколений является стремление понять свое место и предназначение в мире, что, соответственно, усиливает значение исторического знания.

До недавнего времени в отечественной и зарубежной историографии существовала традиционная исследовательская практика освещения — «история сверху», замкнутая на истории великих людей и событиях государственного масштаба, тогда как история отдельных регионов, повседневная жизнь обычных людей оставалась лишь историческим фоном. В связи с этим в изучении истории в большинстве стран Западной Европы наблюдается стремление к расширенному толкованию содержания учебного предмета «История». В содержание исторического образования сегодня включается не только политическая или военная история государств, но и история как совокупность социальных, культурных, гендерных, ментальных аспектов жизни общества и человека. Содержание тем по истории в школьной программе смещается в сторону повседневной жизни человека — освещение истории женщин, мигрантов, этнических меньшинств, детей. Этот подход очень важен с точки зрения формирования самосознания, социальной идентичности личности [21; 118].

Еще одной заметной тенденцией в странах Европы стала актуализация формирования критического мышления школьников. По мнению известного британского методиста Дж. Николы, изучение истории в школе должно быть направлено на то, чтобы научить школьника «делать историю» [22; 155], т.е. на основе анализа исторических источников воссоздавать картину прошлого. В этой связи особое значение уделяется развитию критического мышления учащихся, способного различать факт и его интерпретацию, определять суть проблемы и альтернативные пути ее решения.

Доминирующей тенденцией в историческом образовании в странах Западной Европы является изменение критериев отбора содержания образования. При разработке национальных образовательных стандартов сегодня все шире применяется подход, ориентированный на цели развития личности учащихся. При этом подходе конкретное содержание курсов истории (например, в Великобритании) является второстепенным фактором. Главной целью исторического образования становится овладение умениями, необходимыми для познания исторической реальности, понимания событий прошлого.

го, развития опыта критического мышления, освоения навыков работы с историческими источниками и литературой. Как говорит Дж. Никол, «развитие исторического мышления как набора умений и процессов должно происходить на протяжении всей жизни, от школы до взрослой жизни. Эти умения и процессы придают истории форму и структуру. История развивает способность задавать вопросы, исследовать, выявлять доказательства, выдвигать гипотезы, дебатировать, создавать понимание, объяснять и оправдывать. Эти процессуальные умения возникают, если дети «делают историю», работая как историки под руководством и при поддержке учителя» [22; 155].

В то же время среди исследователей наблюдается другая точка зрения: при всей важности выработки исторических умений произошла некоторая недооценка роли исторических знаний. Так, редактор английского журнала «Teaching History» К. Коунсел разделяет мнение, что нужен новый акцент на историческом знании: «Было время, когда мы старались сконцентрироваться только на умениях. Я приветствую возвращение к знаниям. Знание — инструмент выработки мышления» [Цит.: 23; 25].

Не менее значимой целью исторического образования в современном мире считается воспитание гражданских идеалов, национально-гражданской идентичности, что предполагает формирование и актуализацию исторической памяти. Для этого необходима программа воссоздания преобразовательного характера гуманитарных наук, в том числе истории, побуждающих к действию и обращенных в будущее. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем интервью «Российской газете» еще в 2009 г. отметил «Мы по-прежнему смотрим на сегодняшний мир, как и на будущий Новый мир, сквозь оптику старых инструментов мышления. Но для начала радикального обновления нам надо обновить наше мышление. Соответственно, нужно обновить и все понятия, категории, теории, схемы, концепты мышления и термины, обозначающие факты и явления нового мира» [Цит.: 24; 266].

Таким образом, сравнительный анализ западных и восточных концепций модернизационных процессов приводит к выводу, что эффективность любой модели модернизации напрямую связана с учетом национальных условий, исторического знания по развитию своей страны и региона. Однако если в Европе задачи национального и демократического строительства решались последовательно, то Казахстан оказался в жестко спрессованном потоке времени, когда одновременно приходилось решать задачи и национального, и демократического строительства. Среди множества различий казахстанской модернизации, а именно исторических, геополитических, социальных, культурных и прочих, сегодня важное место занимает духовная модернизация.

Список литературы

- 1 Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В.Г. Федотова // Вопросы философии. — 2000. — № 4. — С. 3–27; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. — М.: РОССПЭН, 2006. — 240 с.
- 2 Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI веков: монография / Л.Р. Хут. — М.: Прометей, 2010. — 702 с.
- 3 Сарсенбаева З.Н. Этнос и ценности / З.Н. Сарсенбаева. — 2-е изд. — Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения, 2018. — 316 с.
- 4 Рикер П. История и истина / П. Рикер; пер. с фр. И.С. Вдовина. — СПб.: Алетейя, 2002. — 400 с.
- 5 Арнаутова Ю. Историческая наука о культуре Отто Герхарда Эксле: предисл. к книге / Ю. Арнаутова // Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории средневековья. — М.: Новое лит. обозрение, 2007. — 360 с.
- 6 Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно изменяющемся мире // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / О.Г. Эксле; ред. Л.П. Репина. — М., 2004. — № 11. — С. 84–110.
- 7 Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Ш.Н. Эйзенштадт; сост., ред. и вступ. ст. Б.С.Ерасова. — М.: Аспект-пресс, 1999. — 556 с.
- 8 Борох Л.Н. Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Цицао: теория обновления народа / Л.Н. Борох. — М.: Вост. лит., 2001. — 287 с.
- 9 Jiang Mei. New Historiography for the cultivation of the character of the «new citizen»: Liang Qichao's ideas of history education and their practice // Chinese Studies in History. — 2017. — Vol. 50. — Issue 2. — P. 76–88.
- 10 Tang Xiaobing. Global space and the nationalist discourse of modernity : the historical thinking of Liang Qichao. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1996.
- 11 Romesh Thapar. Identity in modernization // World Futures. — 1990. — Vol. 28. Issue 1-4. — P. 33–40 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/02604027.1990.9972146>.
- 12 Ghoncheh Tazmini. To be or not to be? (like the West): modernisation in Russia and Iran [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447375>.
- 13 MacIntyre A. After virtue : a study in moral theory / by Alasdair MacIntyre. — 3rd ed. p. cm.

- 14 Макнейл Уильям Х. Зачем изучать историю [Электронный ресурс] / Х. Уильям. — Режим доступа: [https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-\(1985\)](https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-(1985)).
- 15 Алексеев Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения: учеб. пособие для вузов / Т.А. Алексеев. — М.: Аспект-пресс, 2015. — 623 с.
- 16 Ильинский И.М. Образовательная революция / И.М. Ильинский. — М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальной академии, 2002. — 592 с.
- 17 Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания / Н.А. Назарбаев // Казахстанская правда. — 2017. — 12 апр. — С. 1–2.
- 18 Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография / К. Шваб; пер. с англ. — М.: Изд-во «Э», 2017. — 208 с.
- 19 Гулин К.А. Тренды четвертой промышленной революции / К.А. Гулин, В.С. Усков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 216–221.
- 20 Нуссбаум Марта. Не для прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки / Марта Нуссбаум; пер. М. Бендет. — М.: Высш. шк., 2014. — 192 с.
- 21 Вяземский Е. Национальные образовательные стандарты по истории: зарубежный опыт // Новая и новейшая история. — 2011. — № 6. — С. 117–124.
- 22 Никол Дж. Ремесло учителя истории. — Ярославль: ЯГПУ, 2001. — 272 с.
- 23 Байбородова Л. Изучение истории в средней школе: учеб. пособие / Л. Байбородова, А. Соколов, М. Корнеева. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. — 403 с.
- 24 Батулин В.С. Социальная деятельность в контексте методологического дискурса / В.С. Батулин. — Караганда: ИП «Марченко», 2018. — 345 с.

Б.Т. Тулеуова, В.В. Горовой, К.Т. Тулеуова

Әлемдік тарихнаманың тарихи білімнің білім беру маңыздылығын жаңартудағы рөлі

Мақалада әлемдік тарихнаманың тарихи білімнің білім беру әлеуетін жаңғыртудағы, оның ішінде Қазақстан Республикасының тәжірибесіне қатысты рөлі талданды. Шетел тарихшыларының көзқарастарына кешенді шолу негізінде авторлар қоғамның әлеуметтік өзгерістер процесіне қатысушылардың бірі ретінде рухани жаңғыру жағдайындағы жас ұрпақтың ұлттық санасын қалыптастырудағы тарихи білімнің рөлі айқындалды. Алдыңғы қатарлы шет елдердің жаңғыру үдерістерінің шеңберіндегі қоғамдық сананы қалыптастырудағы тәжірибесін талдау негізінде зерттеушілердің әртүрлі елдерде және тарихи кезеңдердегі өз елінің бірегей модернизациялық бейнесін қалыптастырған жаңғыру үдерістерінің өркениеттік негіздерін анықтауда ерекше қызығушылығын тудырды. Бұл шет елдерінің «прогрессивті» және «жылдам» модернизациялық дамуының тиімді әдістерін, әлеуметтік тарихи-мәдени құрамдас бөліктерін, негізгі себептері мен механизмдерін, тәсілдері мен құпияларын анықтауға мүмкіндік береді. Құзыретті білім беру моделі жағдайындағы тарихи білім дамуының екі өзіндік бағыты ажыратылады: біріншісі, тарихты оқытуды тұлғаның дамуы мен оның өзіндік шығармашылық сыни ойлау дағдысымен, демократиялық қоғамдағы әр азаматқа таңдауға мүмкіндік беретін қасиеттердің қалыптасуымен байланыстыру; екіншісі — қоғамның патриоттық және рухани құндылықтарын алдыңғы қатарға қою. Осыдан тарихи білім, патриоттық және полимәдени тәрбие рухани дағдарысқа қарсы тура алады және жаңартылған ұлттық сананың қалыптасуына көмектеседі деген пікір айтуға негіз бар.

Кілт сөздер: жаңғыру, тарихи білім, тарихи білім беру, адам капиталы, жас ұрпақ, рухани дағдарыс.

B. T. Tuleuova, V. V. Gorovoi, K. T. Tuleuova

The role of world historiography in the modernization of the educational value of historical knowledge

The authors focus on the analysis of the role of world historiography in the modernization of the educational potential of historical knowledge, including in relation to the experience of the Republic of Kazakhstan. The article, based on a comprehensive review of existing points of view of foreign historians, highlights the role of historical knowledge in shaping the national consciousness of the young generation in the context of spiritual modernization as one of the participants in the processes of social transformation. The analysis of the experience of advanced foreign countries in the formation of public consciousness in the framework of modernization processes revealed a special interest of researchers in defining the civilizational bases of modernization processes in different countries in different historical periods that formed and continue to form a unique modernization profile of their country. This provides you to discover effective ways, social historical and cultural variables, the underlying causes and mechanisms, recipes and secrets of the «progressive» and

«accelerated» modernization development of foreign countries. There are two characteristic trends in the development of historical knowledge in the context of the competence-based model of education: one aimed at closer linking history teaching with the development of personality and the skills of independent creative critical thinking, with the formation of qualities that allow any citizen to make a choice in a democratic society; and the other, in which the patriotic and spiritual values of society are highlighted. This allowed the authors of the article to assert that historical education, patriotic and multicultural education can confront a spiritual crisis and help in the formation of a renewed national consciousness.

Keywords: modernization, historical knowledge, historical education, human capital, young generation.

References

- 1 Fedotova, V.G. (2000). Tipologii modernizatsii i sposobov ikh izucheniia [Typology of modernization and ways to study them]. *Voprosy filosofii – Philosophy issues*, 4, 3–27 [in Russian]; Poberezhnikov, I.V. (2006). *Perekhod ot traditsionnogo k industrialnomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii [Transition from the traditional to the industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]*. Moscow: ROSSPJeN [in Russian].
- 2 Hut, L.R. (2010). *Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniia istorii Novoho vremeni v otechestvennoi istoriografii rubezha XX-XXI vekov [Theoretical and methodological problems of studying the history of the New time in the national historiography of the turn of the XX-XXI centuries]*. Moscow: Prometei [in Russian].
- 3 Sarsenbaeva, Z.N. (2018). *Etnos i tsennosti [Ethnicity and values]*. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniia [in Russian].
- 4 Riker, P. (2002). *Istoriia i istina [History and truth]*. (I.S. Vdovin, Trans.). Saint Petersburg: Aleteia [in Russian].
- 5 Arnautova, Ju. (2007). *Istoricheskaia nauka o kulture Otto Herkharda Eksle: predislovie k knihe [Otto Gerhard Eksle's Historical Study of Culture: Preface to the Book]*. Deistvitel'nost' i znanie: ocherki sotsialnoi istorii srednevekovia – *Reality and Knowledge: Essays on the Social History of the Middle Ages*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 6 Jeksle, O.G. (2004). *Istoricheskaia nauka v postoianno izmeniaiushechiesia mire [Historical science in a constantly changing world]*. *Dialoh so vremenem: almanakh intellektualnoi istorii – Dialogue with time: an intellectual history almanac*, 11, 84–110. L.P. Repina (Ed.). Moscow [in Russian].
- 7 Jeizenshtadt, Sh.N. (1999). *Revoliutsiia i preobrazovanie obshchestv [Revolution and transformation of societies]*. *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii. Khrestomatiia – Comparative study of civilizations. Chrestomathy*. B.S. Erasov (Ed.). Moscow: Aspekt-press [in Russian].
- 8 Boroh, L.N. (2001). *Konfutsianstvo i evropeiskaia mysl na rubezhe XIX–XX vekov. Lian Tsichao: teoriia obnovleniia naroda [Confucianism and European thought at the turn of the XIX–XX centuries. Liang Qichao: theory of renewal of the people]*. Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 9 Jiang, M. (2017). New Historiography for the cultivation of the character of the «new citizen»: Liang Qichao's ideas of history education and their practice. *Chinese Studies in History*, Vol. 50, 2, 76–88.
- 10 Tang, X. (1996). *Global space and the nationalist discourse of modernity: the historical thinking of Liang Qichao*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- 11 Romesh, T. (1990). Identity in modernization. *World Futures*, Vol. 28, Issue 1-4, 33–40. *doi.org*. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/02604027.1990.9972146>.
- 12 Ghoncheh, T. (2018). Tobe or not to be? (like the West): modernisation in Russia and Iran. *doi.org*. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447375>.
- 13 Macintyre, A. *After virtue: a study in moral theory*. (3rd ed. p. cm.).
- 14 Maknejl, U. (1985). *Zachem izuchat istoriiu [Why it necessary study history]*. *historians.org*. Retrieved from [https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-\(1985\)](https://www.historians.org/about-aha-and-membership/aha-history-and-archives/historical-archives/why-study-history-(1985)) [in Russian].
- 15 Alekseev, T.A. (2015). *Sovremennaia politicheskaia mysl (XX–XXI vv.): politicheskaia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia [Modern political thought (XX–XXI centuries): political theory and international relations]*. Moscow: Aspekt-press [in Russian].
- 16 Il'inskij, I.M. (2002). *Obrazovatel'naia revoliutsiia [Educational revolution]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi humanitarno-sotsialnoi akademii [in Russian].
- 17 Nazarbaev, N.A. (2017). *Vzhliad v budushchee: modernizatsiia obshchestvennogo soznaniia [Looking to the future: the modernization of social consciousness]*. *Kazakhstanskaia pravda*, 12 aprelia, 1–2 [in Russian].
- 18 Shvab, K. (2017). *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia [Fourth industrial revolution]*. Moscow: Izdatel'stvo «E» [in Russian].
- 19 Gulin, K.A., & Uskov, V.S. (2017). *Trendy chetvertoi promyshlennoi revoliutsii [Trends of the fourth industrial revolution]*. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prohnos – Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 10, 5, 216–221 [in Russian].
- 20 Nussbaum, M. (2014). *Ne dlia pribyli. Zachem demokratii nuzhny humanitarnye nauki [Not for profit. Why do democracies need humanities?]*. (M. Bendet, Trans.). Moscow: Vysshiaia shkola [in Russian].
- 21 Vjazemskij, E. (2011). *Natsionalnye obrazovatel'nye standarty po istorii: zarubezhnyi opyt [National educational standards in history: foreign experience]*. *Novaia i noveishaia istoriia – New and recent history*, 6, 117–124 [in Russian].
- 22 Nikol, Dzh. (2001). *Remeslo uchitelia istorii [History teacher's craft]*. Yaroslavl: YaHPU [in Russian].

23 Bajborodova, L., Sokolov, A., & Korneeva, M. (2009). *Izuchenie istorii v srednei shkole [Study history in secondary school]*. Yaroslavl: YaHPU [in Russian].

24 Baturin, V.S. (2018). *Sotsialnaia deiatelnost v kontekste metodolohicheskoho diskursa [Social activities in the context of methodological discourse]*. Karaganda: IP «Marchenko» [in Russian].

Репозиторий КарГУ